

Такім чынам, ва ўсіх трох мовах успрыняцце авечкі / барана / ягняці з'яўляецца падобным: гэтая жывёла выступае эталонам бессэнсоўных паводзін, лагоднасці і маўклівай пакорлівасці. Наяўнасць эквівалентных ФА абумоўлена перш за ўсё агульнай культурнай спадчынай, а таксама агульначалавечымі ведамі пра рэаліі, якія ўвайшлі ў вобразную аснову ФА.

Безэквівалентныя ФА сведчаць не толькі пра своеасабліваць светаўспрымання носьбітаў трох моў, але і пра несупадзенне тэхнікі другаснай намінацыі ў розных мовах. Так, англійская ФА *set the wolf to keep the sheep* мае адпаведныя ФА з іншым вобразам у аснове ў беларускай (*пускаць / пусціць казла ў агарод / у капусту*) і рускай (*пустить / пустить козла в огород*) мовах, ФА *milk the bull / the ram* – у беларускай (*страляць / біць з гарматы / з гармат па вераб'ях, вераб'ям дулі паказваць, круціць вала <за хвост>* (у 1 знач.), *лічыць варон* (у 2 знач.) і рускай (*считать ворон, считать мух*). Такія адрозненні, калі пэўная біблейская сітуацыя адлюстравалася ў выглядзе ФА ў адной мове і не замацавалася ў іншых супастаўляльных мовах, тлумачацца “суб’ектыўнай выбіральнасцю”.

Літаратура

1. Бирих, А.К. Словарь русской фразеологии. Историко-этимологический справочник / А.К. Бирих, В.М. Мокиенко, Л.И. Степанова.–СПб.: Фолио-Пресс, 1998. – 704 с.
2. Большой англо-русский фразеологический словарь: Около 20 000 фразеологических единиц / А.В. Кунин. – 5-е изд. – М.: Живой язык, 1998. – 944 с.
3. Большой фразеологический словарь русского языка: Значение. Употребление. Культурологический комментарий / Отв. ред. В.Н. Телия. – М.: АСТ-ПРЕСС КНИГА, 2006. – 784 с.
4. Гак, В.Г. Особенности библейских фразеологизмов в русском языке (в сопоставлении с французскими библеизмами) / В.Г. Гак // Вопросы языкознания. – 1997. – № 5. – С. 55– 65.
5. Лепешаў, І.Я. Слоўнік фразеалагізмаў: у 2 т. / І.Я. Лепешаў. – Мінск: БелЭн, 2008. – 2 т.
6. Лепешаў, І.Я. Этымалагічны слоўнік фразеалагізмаў / І.Я. Лепешаў. – Мінск: БелЭн, 2004. – 448 с.
7. Русское культурное пространство: Лингвокультурологический словарь: Вып. первый / И.С. Брилёва, Н.П. Вольская, Д.Б. Гудков, И.В. Захаренко, В.В. Красных. – М.: “Гнозис”, 2004. – 318 с.
8. Фразеологический словарь русского литературного языка / сост.: А.И. Фёдоров. – М.: ООО “Фирма Издательство АСТ”, 2001. – 720 с.
9. Hornby, A.S. Oxford Advanced Learner’s Dictionary of Current English / Ed. by Sally Wehmeier. – Great Britain: Oxford University Press. – 2000. – 1600 p.

В.М. Генкин (Витебск)

ИНОЯЗЫЧНЫЕ ЭЛЕМЕНТЫ В ОЙКОНИМИИ БЕЛОРУССКОГО ПООЗЕРЬЯ

Около 19% территории современной Беларуси (ее северо-северо-восток) занимает Белорусское Поозерье – уникальный, по сути, в историческом, этнокультурном и лингвистическом планах регион. Расположенное на пересечении нескольких национальных культур, языков и религиозных традиций, Поозерье имеет своеобразную ойконимическую систему, одной из отличительных черт которой является сочетание белорусских корней и аффиксов с заимствованными из других языков элементами. Их выявление дает возможность уточнить этимологию ойконимов, существенно пополнить знания об истории и этнографии региона, имеющего границы с двумя балтийскими странами и Россией. Следует учесть и тот факт, что исторически Белорусское Поозерье входило в состав других государств: Польши и Российской империи (позднее, соответственно, Советского Союза). Последнее обстоятельство вынуждает особенно осторожно и дифференцированно подходить к анализу иноязычных элементов в ойконимии региона. В целях получения максимально объективных результатов следует разграничивать естественные заимствования и искусственно привнесенные иноязычные элементы.

Как известно, некоторые белорусские географические названия до сих пор несут на себе следы искусственной полонизации и русификации. С 1696 года, когда

польский сейм окончательно запретил выпуск книг и преподавание на белорусском языке, названия белорусских поселений, как отмечает В.П. Лемтюгова, “записувались только графічнымі сродкамі польскай мовы ў характэрнай для яе фанетычнай і граматычнай формах. У такім выглядзе большасць з іх трапіла ў афіцыйныя дакументы, на карты, вышесніўшы з пісьмовай і картаграфічнай практыкі нашы спрадвечныя правільныя формы. У выніку склаліся дзве разнавіднасці беларускай нацыянальнай тапаніміі – афіцыйная (паланізаваная) і вусна-моўная (традыцыйная)” [1, с. 2].

После разделов Речи Посполитой официальная ойконимия региона, как ни парадоксально, продолжает испытывать польское влияние. Проблема в том, что русские картографы часто воспроизводили полонизированный вариант белорусских топонимов. З.В. Рубцова, анализируя проблемы варьирования и нормы в белорусской и русской топонимии, пишет: “Не без основания можно полагать, что без исторически сложившегося посредничества польского языка русская карта белорусской территории была бы более «инкрустирована» белорусизмами, а не читалась как прямое продолжение русской карты” [2, с. 9 – 10]. Следы полонизации до сих пор обнаруживаются в ряде названий: *Бржэзова* (деревня в Лиозненском районе) *Гурка*, *Дамбравова* и *Дамброўскія* (Браславский р-н), *Гуркі* (Щарковщинский), *Крулеўшчызна* (Докшицкий), *Туржэц* (Полоцкий) и др. Обращает на себя внимание, что большинство населенных пунктов с полонизированными названиями долгое время (до 1939 года) входили в состав Польши. Результат латинской транслитерации, вызванной влиянием польского языка, можно видеть, в частности, в ойкониме *Міёры*, представляющем официальную и уже достаточно укоренившуюся форму традиционного названия районного центра *Мёры*. На искусственность последней формы явно указывают смежные названия, например лимноним *Мёрскае возера*. Показательно, что в речи старожилов используется вариант *Мёры*, а результаты опроса школьников и студентов свидетельствуют о предпочтении молодежью официального варианта.

Появление искусственных русизмов в ойконимии Беларуси, как правило, относится к советской эпохе, на которую приходится две волны переименований: одна датируется тридцатыми годами прошлого века, вторая – шестидесятыми. Именно в шестидесятые годы топонимическая система региона «обогадилась» русскими вкраплениями. Приведем ряд примеров с указанием даты появления ойконимов: рабочий пос. *Акцябарскі* (1967, Чашникский р-н), *Васточная* (до 1964 – *Цуцкі*, Поставский р-н), *Каўровая* (до 1964 – *Дзяругі*, Дубровенский р-н), *Лучазарная* (дл 1964 – *Серакаротня*, Сенненский р-н), *Радуга* (до 1964 – *Паздзюткі*), *Рассвет* (до 1964 – *Чартоўшчына*, Сенненский р-н), *Рошча* (до 1964 – *Гнілякі*, Глубокский р-н), *Рошчына* (до 1964 – *Звягі*, Сенненский р-н) и т.д. Приблизительно в тот же период возникают новообразования типа *Васток*, *Іменіе*, а также ныне утраченные *Барба*, *Новы Пахар*, *Рошчыца*, *Уютны*.

Разумеется, значительно больший интерес представляют естественные иноязычные элементы, отразившиеся в ойконимии Белорусского Поозерья. Таковые обнаруживаются как на уровне топонимических основ, так и в специфике формантов. М.Я. Гринблат утверждает, что “ў назвах населеных пунктаў паўночнага захаду Беларусі зафіксавана каля пяцідзсяці бясспрэчна літоўскіх фармантаў, у многіх выпадках набыўшых, натуральна, аславяненых формы (-*ішкі* замест -*ішкес*, -*ішкяй*; -*яны* замест -*ёны*; -*яты* замест -*ёчай* і г.д.)”. Нам важно отметить факт, что основным местом концентрации географических названий с балтийскими формантами является территория рассматриваемого региона, а наиболее активным из указанных топонимических суффиксов – формант *-ішкі*, *-ышкі*, занимающий седьмую позицию по количеству образованных с его участием ойконимов. Территориально они концентрируются, в основном, на северо-западе региона, особенно в Браславском районе Витебской области: из 699

входящих в его состав населенных пунктов 114 (16,3%) имеют названия, оформленные этим суффиксом.

Показателем активности форманта, естественно, служит не только количественный фактор, но и разнообразие оформляемых им основ. На территории двух приграничных с Литвой районов Витебщины (Браславском и Поставском) сохранился 151 населенный пункт с названиями на *-ішкі, -ышкі*, причем в этих ойконимах насчитывается около 120-и неповторяющихся основ (основы, восходящие к одному и тому же имени или апеллятиву, мы рассматривали как одинаковые, повторяющиеся). Среди данной группы в сравнении с другими типами ойконимов относительно невелик процент названий, образованных от христианских канонических имен и их разговорных форм (*Адамішкі, Адымянішкі, Апанасішкі, Барбарышкі, Васількішкі, Емяльнянішкі, Міхалішкі, Петрышкі* и т.д.), но при этом очевидно, что эти антропонимы относятся к числу имен, либо общих для католиков и православных (*Адамішкі* ← *Адам, Васількішкі* ← *Васіль*), либо являются непосредственно католическими (*Барбарышкі* ← *Барбара, Бартэлішкі* ← *Барталамей, Марцінішкі* ← *Марцін, Тумашышкі* ← *Тамаш*). Ойконимы, содержащие в основе православные имена, единичны: *Апанасішкі* ← *Афанасій, Кузьмішкі* ← *Кузьма*.

Если балтийские или польские топонимические суффиксы нередко представляют собой достаточно видимый компонент ойконимии, то выявить на формантном уровне влияние близкородственного языка вряд ли возможно: система используемых в географических названиях суффиксов сложилась в общевосточнославянскую эпоху и потому характеризуется значительным сходством или тождеством. Большинство используемых в ойконимии морфем пришло из области апеллятивного словообразования, которое имеет еще более древние традиции. Единственное, что в этом плане поддается анализу, – это продуктивность тех или иных формантов. Как известно, характерной чертой белорусской топонимии является относительно большое число названий на *-ічы, -ычы*. На территории Белорусского Поозерья данный тип занимает пятую по продуктивности позицию. На первом месте, как и во многих российских регионах, находятся топонимы с суффиксом *-ова, -ёва, -ева, -ава*. Но если в среднем по Витебской области на долю таких ойконимов приходится 15,36% от общего числа простых названий, то в смежной Смоленской области России – уже более 20%.

Обратимся к иноязычным основам, вошедшим в региональную ойконимию. Большая их часть пришла через посредство других разрядов имен собственных: гидронимов и антропонимов. Богатый водными объектами регион (только количество озер здесь превышает цифру в 2000 единиц) обладает уникальными потамонимами и лимнонимами. Названия водных объектов, как правило, являются более древними в сравнении с названиями поселений и, соответственно, первичными в деривационном отношении. Через гидронимию в названия населенных пунктов проникли финно-угорские, балтийские и некоторые другие элементы. Они описаны в ряде трудов по гидронимии, в частности в широко известной работе В.Н. Топорова и О.Н. Трубочева [4] и региональных исследованиях [5; 6].

В диссертационном исследовании Л.Н. Григорьевой [5] приводится солидный список ойконимов, корни которых, по мнению автора, следует искать в литовском и реже латышском языках: *Бальбінава* (лит. *balbėti* «разговаривать»), *Біцялёва* (лит. *bitele* «пчелка»), *Воснава* (лит. *uošis* «яшень»), *Гірнава* (лит. *girnos* «жернова»), *Інава* (лит. диал. *iėna, uėna* «оглобля») и ряд других.

Однозначно русские основы, по нашим наблюдениям, встречаются в ойконимах региона крайне редко. Так, на территории Витебского района, граничащего с Россией, есть два населенных пункта с названиями, восходящими к русской лексеме *кузнец* (бел. *каваль*): *Кузнецово* и *Кузнецовка*. Вообще на сегодня в Беларуси сохранилось 94 населенных пункта, названия которых указывают на данную профессию, и абсолютное

большинство из них (92, или 98%) образованы от белорусского слова. В том же Витебском районе есть ойконимы *Кавалёва* (2 нас. пункта) и *Кавалькі*.

Очевидно, не без посредства русского языка появились названия *Львічоўка* (до 1964 – *Старабабылле*, Витебский р-н), *Ульянаўка* (до 1964 – *Аўгустберг*, Сенненский р-н), *Ульянавічы* (Бешенковичский и Чашникский р-ны). Последние ойконимы по внешней форме не отличаются от структурно похожих названий, но семантически восходят не к белорусским антропонимам, а указывают на отчество и настоящую фамилию В.И. Ленина.

Литература

1. Лемцюгова, В.П. Роздум над лёсам і правапісам беларускіх геаграфічных назваў / В.П. Лемцюгова // Звязда. – 2002. – 3 красавіка.
2. Рубцова, З.В. Варьирование и норма в белорусской и русской топонимии: Научный доклад по опубликованным трудам, представленный к защите на соискание ученой степени канд. филол. наук / З.В. Рубцова. – Москва, 1993. – 84 с.
3. Грынблат, М.Я. Беларуская-латышскія сувязі ў тапаніміі і антрапаніміі БССР / М.Я. Грынблат // Беларуская аанамастыка. – Мн.: Навука і тэхніка, 1977. – С. 43 – 63.
4. Топоров, В.Н. Лингвистический анализ гидронимов Верхнего Поднепровья / В.Н. Топоров, О.Н. Трубочев. – Москва: Наука, 1972.
5. См.: Григорьева, Л.Н. Ойконимия белорусского Подвинья: дис. ... канд. филол. наук / Л.Н. Григорьева. – Минск, 1978.
6. Грыгор'ева, Л.М. Аіконімы гідранімічнага паходжання басейна Заходняй Дзвіны (у межах Беларусі) / Л.М. Грыгор'ева // Беларуская аанамастыка. – Мінск: Навука і тэхніка, 1997; Катонава, Е.М. Об этническом источнике некоторых гидронимов бассейна Западной Двины на территории Белоруссии / Е.М. Катонава // IV республіканьска аномастычна конференція (Тезі). – Київ, 1969; Катонава, А.М. Аб паходжанні некаторых гідронімаў басейна Заходняй Дзвіны на тэрыторыі Беларусі // А.М. Катонава // Веснік Беларускага дзяржаўнага ўніверсітэта, серыя IV, 1971, №1 и др.

Е.Н. Горегляд (Витебск)

ГЛАГОЛЬНЫЕ МАРКЕРЫ СУГГЕСТИВНОГО РЕЧЕВОГО АКТА В БЕЛОРУССКОМ И РУССКОМ ЯЗЫКАХ

Одним из центральных понятий лингвистической прагматики является «речевой акт» – произнесение говорящим высказывания, адресованного слушающему при определенных обстоятельствах и с конкретной целью. В процессе речевого акта говорящий (субъект высказывания, адресант) оказывает влияние на слушающего (реципиента, адресата) с целью воздействия на его поступки, мысли, воззрения, психическое состояние, побуждает к совершению неких действий и т.п.

Сформулировав понятие речевого акта, Дж. Остин выделил в нем три уровня:

- 1) локутивный – собственно говорение чего-либо; включает фонетический акт (произнесение определенных звуков), фатический акт (произнесение последовательности слов на понятном слушателю языке и объединение этих слов в предложения в соответствии с грамматикой данного языка) и ретический акт (наделение высказывания смыслом, соотнесение с конкретным референтом);
- 2) иллокутивный – говорение, характеризующееся целенаправленностью и конвенциональностью;
- 3) перлокутивный – достижение в процессе говорения определенных результатов, изменений в сознании собеседника (причем полученный результат речевого действия может соответствовать или не соответствовать целевой установке говорящего).

Вслед за Дж. Серлем традиционно выделяют пять основных видов речевых актов: репрезентативы, директивы, комиссивы, экспрессивы и декларации (у Дж. Остина – экзерситивы и вердиктивы) [6]. В современном языкознании существуют и другие классификации, включающие, кроме названных, иные типы иллокутивных актов [1; 3; 4; 5 и др.].